

Мамедов Агамали Куламович

доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

Ключевые слова: классификация наук, критерии научности, метод, научная парадигма, объект, объективность научного знания, позитивизм, социальное познание, социально-философская традиция, субъект, эмпиризм.

Keywords: scientific classification, scientific criteria, method, scientific paradigm, object, the objectivity of scientific knowledge, positivism, social cognition, social and philosophical tradition, subject, empiricism.

Аннотация. В статье подробно рассмотрены социокультурные и теоретические основания социальной науки, место социологии в системе научного дискурса. Проводится критика позитивистской парадигмы – автор постулирует ее недостаточную эффективность при анализе современных социальных процессов. Раскрывается необходимость пересмотра всей методологии социальной науки с позиций её сложности и междисциплинарности, соотношения в ней естественнонаучных и социально-гуманитарных методологических оснований.

Annotation. The article describes some theoretical foundations of socio-cultural and social science, the place of sociology in the scientific discourse. The author criticizes positivist paradigm, postulates its low efficiency in the analysis of contemporary social processes. This article explains the need of changing the methodology of sociology, taking into account the complexity, interdisciplinarity of social science and the complex of natural, social and humanitarian methodological grounds in it.

Проблема субъекта, объекта и метода **социального познания** возникает (предельно обостряется) с возникновением и развитием

«позитивной философии», разработанной французским мыслителем О. Контom (1798-1857) [см. 13, 1], который явился и основателем (современной) **науки об обществе**. Конт призвал науку к разрыву с **социально-философской традицией** и не только манифестировал этот разрыв, но и предложил оригинальную, философски обоснованную **научную программу** создания новой формы науки. По мнению Конта, социальное познание развивалось «не вполне научно» или даже совсем ненаучно. Поэтому «настоящую» науку об обществе, по его убеждению, только предстояло создать. Будущую науку Конт называл сначала «социальной физикой», а потом предложил название «социологии», которое и было со временем принято. При этом, конечная цель его «позитивной философии», предлагавшей совершенно новый взгляд на природу **науки и научности вообще**, как раз и состояла в том, чтобы превратить **социальное познание в «позитивную науку»**. Несмотря на крайний радикализм «позитивной философии», призыв Конта был с энтузиазмом подхвачен многими учеными, и в результате их усилий возникло чрезвычайно влиятельное (в целом, плодотворное) течение научной мысли, прошедшее в развитии уже несколько стадий — классический позитивизм второй половины XIX века (О. Конт, Г. Спенсер, Дж. Ст. Милль), эмпириокритицизм начала XX века, неопозитивизм (20-30-х гг. XX в.), постпозитивизм (50-60-х гг. XX в.). В ходе этого развития формировалась и современная социология как новая наука об обществе. Вместе с тем, формирование происходило не только под влиянием самого позитивизма, но и в результате **интенсивной и острой критики** методологии, начало которой было положено в 60-х годах XIX века со стороны оппозиционного позитивизму **неокантианства** (особенно, баденской школы, — Виндельбанд, Риккерт и др.), выдвинувших тезис о **принципиальном отличии** социально-гуманитарного знания и познания от естественнонаучного и об их **несводимости**. Аналогично развивалась критика позитивизма и со стороны представителей «философии жизни»; так В. Дильтей противопоставил естественнонаучному «методу объяснения»

специфический для социально-гуманитарного познания «метод понимания» («герменевтики»). Впоследствии появились новые подходы, отрицавшие или ограничивавшие позитивистскую версию социального познания и предлагавшие иную методологию (феноменологическая социология, экзистенциальная социология, социология повседневности, этнометодология, символический интеракционизм и др.). В ходе критики (и отчасти самокритики) некоторые радикальные принципы позитивизма были смягчены или переосмыслены, но во многом позитивизм сохраняет принципиальное влияние в науке об обществе, оставаясь наиболее «солидной» и устойчивой, **ведущей** методологической основой. Причина в том, что за позитивизмом «стоит» **естествознание**, весомые успехи которого настолько очевидны и **впечатляющи**, что всякая критика используемых подходов и методов познания сталкивается с огромным сопротивлением. Вследствие этого, анализ фундаментальных установок позитивизма как ведущей методологии и программы научного познания, и в особенности — социального, сохраняет чрезвычайную актуальность. И лучше всего такой анализ осуществлять на примере исходных положений основателя этого направления — Конта, поскольку позитивизм выражен в его первоначальной простоте, резкости и ясности. Тогда как у адептов он теряет исходную резкость и определенность, и зачастую маскируется под свою противоположность, например, — в **марксистской** социальной философии, являющейся, по существу, одной из версий позитивизма, которая, однако, не признает себя позитивизмом, преподносит себя как отличное и с этой целью часто даже «кокетничает» (Маркс) методологически несовместимой с ним (гегелевской) — терминологией. У социальной философии Конта и Маркса один и тот же источник — социальные воззрения Сен-Симона¹, учение

¹ «Исток и тайну» как марксистской, так и контовской философии общества можно обнаружить, например, в следующем положении Сен-Симона: «Истинная конституция, — писал Сен-Симон, — не может быть изобретена — она должна быть открыта. Истинным законодателем является не король и не законодательные собрания. Таким законодателем следует считать философа, изучающего движение цивилизации и резюмирующего свои наблюдения **в общественном законе**, который и становится руководящим принципом законодательства» (Цит. по: Туган-Барановский М.И. К лучшему будущему. Сборник социально-философских произведений. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996. С. 122).

которого они восприняли с одобрением, но развивали по-своему (первый делал акцент на классовой солидарности, второй — на антагонизме и борьбе классов). При этом, Конт считал необходимым сформулировать философскую основу этого учения **явно**, а Маркс сознательно оставил без экспликации. Определение предмета социологии как (новой) науки было дано позитивистом через указание **на место**, которое отводилось ей в системе (классификации) «позитивных наук», а, следовательно, — и через указание ее **отношения** ко всем наукам. Впервые классификация наук (в простом виде) возникает у Платона, который формулирует явно само понимание Науки и научности. Аристотель, пересмотревший взгляды учителя, реформировал и платоновскую классификацию наук. Затем собственные классификации наук (в общей форме) развивали стоики, эпикурейцы и неоплатоники; система последних была положена в основу средневековой классификации научного знания (и образования). Радикальную реформу этой системы впервые осуществил (за два века до Конта) Ф. Бэкон, теория которого пользовалась таким признанием и авторитетом, что инициатор издания знаменитой «Энциклопедии», Даламбер положил ее в основание этого выдающегося обзора всех достижений «наук, искусств и ремесел». Однако классификация Бэкона опиралась на **субъективные** (психологические) основания, ибо в основе — разделение познавательных способностей человека на память, воображение (фантазию) и рассудок. В противоположность, Конт критерием классификации определяет различие между **самими предметами** (объектами) познания, придавая ей **объективность**, поэтому его классификация наук сохраняет свое значение и до сих пор. При этом, поскольку, согласно Конту, философия может существовать только как **обобщение результатов**, добываемых **частными науками**, то и его классификация наук выражает наглядно самую суть его «позитивной философии». «Конт, — отмечают в этой связи исследователи его системы, — выступил упразднителем философии в старом традиционном смысле слова. В представлении Конта философия не имеет ни своего особого

предмета, ни своего метода, отличного от методов науки. Позитивная философия является систематизацией наук, того, что есть «научного в науках». Чтобы изложить позитивную философию, нужно изложить всеобъемлющую систему наук, включающую анализ их предметов, методов, законов, сходств и отличий» [9, с. 3]. Эта классификация носит **линейный** характер и представляет все «позитивное знание», накопленное человечеством, в виде **цепочки** (скорее иерархии) наук, первым звеном (основой) которой является **математика**, а последующими звеньями — астрономия, физика, химия, биология и социология, расположенные именно в **таком порядке**. Порядок здесь выражает саму суть и развитие научного знания. Каковы же принципы иерархии «позитивных наук»? Во-первых, — принцип движения от наук **наиболее общих** (математика) к науке наиболее **частной** (социология). Математика — наука **наиболее общая**, ее положения и методы справедливы и применимы для **всех** абсолютно предметов и процессов объективного мира, а социология — наука **наиболее частная**, ее законы касаются только сферы (человеческого) общества. Поэтому все законы, установленные во всех более общих науках, справедливы и для социологии, но ее собственные — социологические — законы справедливы только для специфического предмета (общества) и не имеют значения для остальных наук.

Во-вторых, Конт указывал и на принцип **простоты-сложности** предметов наук: предмет математики **наиболее прост**, а предмет социологии — **наиболее сложен**. Интуитивно, это представляется верным, но дискурсивно, не вполне ясно, что именно понимается под «простотой» и «сложностью» предметов (объектов) различных наук и как именно можно (и нужно) определять это. Конт предпочитал не углубляться в этот вопрос, и мы оставим пока без обсуждения. Описывая иерархию, Конт обращал внимание, не только на логические, но и на **исторические** свидетельства. В историческом развитии научного знания именно **математика**, как известно, достигает относительного совершенства первой, что выразилось на практике

в появлении знаменитых «Начал» Эвклида. Второй наукой, достигшей совершенства еще в древности, оказалась **астрономия**, что выразилось в появлении знаменитого «Альмагеста» Клавдия Птолемея (II в.н.э.). В астрономии же происходит и первая научная революция, поднимающая ее на новый уровень совершенства (Коперник, Кеплер). Затем последовательно достигают совершенства **физика** (Декарт, Галилей, Ньютон), **химия** (Лавуазье, Дальтон, Пристли и др.) и **биология** (Линней, Ламарк и др.). На очереди оказывается **социология**. Факт **последовательности** в развитии выделенных Контом наук хорошо согласуется с представлением об относительной простоте-сложности их предметов — более простые науки и совершенства в своем развитии достигают раньше, чем более сложные.

Основной акцент в своей программе реформы наук Конт делал, все же, **на методе** познания и старался доказать, что выделенные «позитивные науки» используют, в общем, **один и тот же метод**, которому и дал название «**позитивного**». Согласно его логике, метод познания, в общем, **не зависит** от природы объектов, изучаемых наукой, и, следовательно, применение одного и того же метода познания к различным предметам, может быть **одинаково эффективным**. А поскольку достижения «более простых» наук были к тому времени всем очевидны, то и от распространения «позитивного метода» на область **социального познания** логично было бы ожидать столь же впечатляющих достижений и быстрого развития **научных знаний** об обществе. Однако, к серьезным успехам, вопреки ожиданиям, начинание самого Конта не привело (хотя сам оценивал свои достижения чрезвычайно). Гораздо больших успехов, по общему мнению, достиг на этом пути другой позитивист — Спенсер, который, собственно, и развил впервые социологию в виде «позитивной» науки. Однако философия Спенсера была при этом не вполне позитивистской и, по меньшей мере, не столь радикально негативной по отношению к философской традиции, как у самого Конта. В частности, Спенсер всеобщий закон эволюции вывел, как заметили его критики [см. 12, с.102-103], отнюдь не из наблюдений, а из самой чистейшей «метафизики»,

хотя и своеобразной. В чем же состоит суть «позитивного» метода, предложенного и продвигавшегося Контом? На этот вопрос он так и не дал четкого и ясного ответа². Позитивный метод познания позиционируется негативно, — через **отрицание** подходов, характерных для традиционного, **философского** рационального познания. Это некоторый нефилософский и даже антифилософский («антиметафизический») метод, посему прежде всего выражается в крайне негативном отношении к философии («метафизике»), которую основатель позитивизма объявил, хоть и необходимой, но тем не менее **неполноценной** формой знания. Еще более неполноценной, с его позиций, является только дофилософская («теологическая») форма знания, развивавшаяся **в самом начале** истории. На смену ей приходит философская форма, затем должна прийти (и приходит) форма «позитивная». Эту «закономерность» Конт считал даже «Великим основным законом развития мышления человека во всех сферах его деятельности» [3, с.133] и ставил его открытие в особую заслугу. По сути, Конт постулирует ревизию **критериев научности**, установленного и развитого в западном научном сознании в античности и предлагал считать наукой только то, что удовлетворяет лишь его критерию. Наукой, по Конту, выраженному более конкретно, является исследование **явлений**, но не их сущности; основные методы научного познания — это **наблюдение**, измерение, сравнение, описание и эксперимент, но не «философствование» (теоретизирование). Иначе говоря, научное познание предлагается свести в основном к **эмпирическому** познанию. Наука, безусловно, нуждается и в том, и в другом, — в эмпирическом, и в теоретическом подходах к своему предмету; она должна исследовать и явления, и их сущность, должна доискиваться не только законов, но и причин явлений и т.д. Поэтому чистый, рафинированный

² Конт разъяснял, что слово «позитивный» (positiv) имеет несколько значений: 1) реальное в противоположность химерическому; 2) полезное в противоположность бесполезному; 3) достоверное в противоположность сомнительному; 4) точное в противоположность смутному; 5) положительное в противоположность отрицательному («в этом случае оно указывает на одно из наиболее важных свойств новой философии, представляя ее как назначенную по своей природе преимущественно не разрушать, но организовывать» (Конт О. Дух позитивной философии. СПб., 1910. С. 35). В общем, позитивное — это все «хорошее», в отличие от всего «плохого».

позитивизм как научная методология вообще бесперспективен и как показало дальнейшее развитие научной программы, — **неосуществим**. Однако **исторически** пафос сочинений Конта (его аргументация) имели и положительное значение, ибо способствовали развитию в социологии в первую очередь **эмпирических** методов исследования, что **для того времени** было вполне оправданным и полезным. Позитивизм значительно продвинул развитие **эмпирической** социологии. Неверной в нем была лишь установка на **абсолютизацию** эмпирических методов и эмпирического познания в целом, которой сам Конт **на деле** и не следовал. Парадоксальным при этом является то, что сама установка на эмпиризм в тот период была обоснована именно **самой же «метафизикой»** в лице одного из величайших реформаторов — И. Канта, философию которого Конт внимательно изучил. Согласно зрелому («критическому») Канту, человеческий разум (наука) может применяться лишь к познанию **явлений**, данных ему эмпирически, в ощущениях, а всякая попытка разума выйти **за пределы** явлений приводит к противоречиям, неразрешимым антиномиям и парадоксам и потому дает нам вместо **реальных** познаний лишь некую **видимость** таковых. Кроме того, «вещь в себе», согласно философии Канта, принципиально **непознаваема** — мы можем знать какова вещь **для нас**, какой она нам **является**. А какова она **сама по себе** («в себе»), то есть, независимо от нашего восприятия, — этого нам знать **не дано**. На этом основании Кант и обвинил всю прежнюю философию («метафизику») в пустопорожности, а все ее традиционные формы (сущности) объявил не формами самого бытия, а формами лишь **нашего сознания** (правда, «априорными»). Место прежней метафизики (онтологии) у него заняла теория **субъективного** разума и рассудка. Полностью согласившись с этим, Конт и объявил единственным предметом **научного** познания — познание **внешних** нашему сознанию явлений, дающихся нам **эмпирически** (в чувственном опыте). По существу, **философскими основаниями** позитивизма является, по существу, критический субъективный гносеологизм Канта, доведенный до некоторого

предела. Тем более, что до наступления так называемого «критического периода» Кант и сам был уже в некотором смысле вполне сложившимся «эмпириком» (хотя и мыслящим), написал превосходные для того времени работы по естествознанию, выполненных вполне в духе позитивной философии [см. 10]. Однако Конт в своей научной программе пошел намного дальше и призывал науку вообще отказаться от **поиска причин** явлений и искать только их **законы**, то есть — те связи и порядок между различными явлениями, которые могут фиксироваться **непосредственно в опыте** (например, — как «Закон всемирного тяготения», открытый Ньютоном). Вообще, **физико-механическая** теория Ньютона для Конта (как и для его учителя и вдохновителя Сен-Симона) была **идеалом** и **образцом** научной теории и научности вообще. И, если определить суть позитивного метода максимально кратко и «позитивно», то лучше всего его можно выразить в следующей формуле: «Социология должна **подражать** физике Ньютона, а не физике Аристотеля, как она это делала до сих пор». В более общем виде — это призыв **подражать естествознанию** (Нового времени). Обратимся с этой целью к более детальному анализу контовской линейки (иерархии) наук.

Первое, что бросается здесь в глаза, — это **несоразмерность** выделения членов представленного им ряда. А именно, — астрономия, физика и химия представляют, по сути, лишь различные **дисциплины** одной и той же науки — Физики (в широком смысле). Астрономия и химия — это **физические** науки, точно так же, как ботаника и зоология, например, — **биологические** науки. Но Биологию Конт в своей линейке наук не разделяет на дисциплины (которых множество). И точно так же не разделяет и Социологию. Однако Физику он почему-то указывает **в одном ряду** с ее **частными** дисциплинами, причем, лишь со следующими двумя — астрономией и химией, тогда как и других частных физических дисциплин, бывших уже известными Конту, имеется множество (минералогия, теория газов, теория жидкостей и твердых тел, теория электрических и магнитных

явлений, теория теплоты, геология и т.д.). Почему же из всего множества чести быть выделенными и включенными в основную линейку наук удостоились только химия и астрономия? Отчасти объяснение этому уже дано выше — теории Птолемея, Коперника и Лавуазье **исторически** являются настолько значимыми **достижениями** нефилософских («позитивных») наук, что Конт просто не мог не отдать им должного. Включение этих наук в перечень повышало степень доверия и придавало больше убедительности системе. Более объективное объяснение состоит в том, что Конт просто не вполне ориентируется в современной ему **реальной** системе наук, и не вполне понимает, чем же на самом деле одна наука отличается от другой. При этом, обладая гораздо большей осведомленностью в области математики и физики (Политехнический институт), чем в биологии и гуманитарных науках, в которых был дилетантом, Конт и в классификации наук представляет первые более дифференцированно, чем вторые. Иначе говоря, несовершенство его системы наук определяется недостатком, в том числе, его **личного** образования и понимания сути дела.

Но и это объяснение не исчерпывает сути дела—более глубокая причина здесь кроется различии **объекта** (объектов) и **предмета** познания. В философии Аристотеля, где впервые было намечено это деление, — это различие между **сущностями** (что существует **само по себе**) и их качествами, свойствами, отношениями и т.д., то есть, тем, что существует не само по себе, а лишь в другом (в сущностях) и посредством этого другого [см. 2, с. 54] (впоследствии схоласты присвоили всему названия «атрибутов» и «модусов»). При этом любая наука может определяться как видом (родом) **сущностей**, которые она изучает, так и различными их **аспектами** (сторонами), которые та или иная наука выделяет себе в качестве специфического **предмета** своего изучения. Итак, у любой науки существует как **объект** ее изучения (род сущностей), так и **предмет** ее изучения (стороны и аспекты, выделяемые ею в своем объекте или объектах). С этой точки зрения, Физика, например, — это наука **о физических сущностях** (объектах),

а астрономия и химия — это физические науки (дисциплины), изучающие **специально** различные **физические предметы** (космические и молекулярные физические тела). Следовательно, Конт, не получивший в свое время основательной философской («схоластической») подготовки, просто не различает особенностей физических наук и потому просто смешивает **Физику** вообще (в целом) с **физикой** как ее частной дисциплиной. Но следует отметить и то, что это различие столь трудно, что оно ускользает от понимания и многих современных ученых. Если бы Конт был вполне последовательным, то он должен был убрать из предложенной им цепочки основных наук астрономию и химию, «спрятав» их внутри общей им рубрики «Физика», и тогда от его пятизвенной цепочки осталось бы **только три** больших звена — Физика, Биология и Социология, «внутри» каждого из которых содержалось бы великое множество самых различных физических, биологических и социально-гуманитарных наук (дисциплин).

Современная теория науки [см. 8] давно уже уловила и исправила эту ошибку (непоследовательность) Конта и сегодня она представляет ряд основных — **фундаментальных** — наук именно в таком, **трехзвенном виде** — Физики, Биологии и Социологии. Однако и современная теория науки никак этот ряд не объясняет и **не обосновывает**. Обычно просто указывается, что именно такое, а не какое-либо иное деление основных наук «сегодня принято» [см. 17, с. 119]. Но наука не может не обосновывать своих положений, кроме самых очевидных. А указанное деление, очевидно, к таковым не относится. Основатель современной классификации наук — Конт — свою цепочку наук никак не обосновывал, что было для него простительно; просто «**нашел**» или **подобрал** эмпирически некоторое множество «хороших», с его точки зрения, наук, объявил их «позитивными» и выстроил их в цепочку — от «простых» к «сложным» и от «общих» к «частным», при этом допустив указанные погрешности. Но современная теория науки так действовать уже не может и должна найти (указать), **на каком основании** выделяются именно и только три указанные науки в

качестве фундаментальных, и **почему** они располагаются именно в таком, а не ином порядке. Почему, в общем, существуют **только три** указанные фундаментальные науки, а не одна, две, четыре, пять (у Конта) и т.д.?

В принципе, обоснование это было давно уже произведено в знаменитой «Энциклопедии философских наук» Гегеля. Однако, поскольку современная наука не признает методологии Гегеля, являющейся **полной противоположностью** логики и методологии позитивизма (**именно поэтому** она ее и не признает), то нам придется с этой целью обратиться к чему-то более приемлемому для современного научного сознания. На наш взгляд, в качестве удовлетворительного обоснования выделения указанных трех и только трех фундаментальных наук, может выступить так называемое «Древо Порфирия», разработанное еще в античной науке комментатором Аристотеля неоплатоником Порфирием (3 в.н.э).

Современные логики и методологи науки обычно не видят в этом «Древе» ничего, кроме некой хорошей **иллюстрации** метода (или приема) **деления понятий**. Логический словарь-справочник Кондакова, например, рекомендует «Древо Порфирия» как «... наглядную схему, облегчающую запоминание отношений между родовыми и видовыми понятиями при дихотомическом делении объема понятия» [11, с. 165]. Однако эта «наглядная схема» представляет собой **наиболее общую** и потому **фундаментальную классификацию всех вещей (объектов)**, доступных человеческому познанию, — такую же, как классификация живых существ, например, классификация минералов и т.п. «Древо Порфирия» — это **реальное достижение** научной мысли, а не просто учебное пособие.

Вообще, любая **содержательная классификация** — это не некая иллюстрация логических приемов (методов), а **реальное достижение**, реальный **результат познания** в соответствующей области. И именно таким реальным достижением античного познания и является прежде всего «Древо Порфирия». И его обоснованность (доказанность) заключается в том, что **невозможно** указать на какой-либо реальный или потенциальный объект

познания, который не охватывался бы этой классификацией. Она строга, последовательна и полна. И, в отличие от классификации наук Конта, она **не эмпирична**, а теоретична (аналитична). Именно поэтому она и может (должна) быть положена в основание классификации наук.

Первое деление: Физика и Метафизика. Согласно этой классификации, все потенциальные объекты нашего познания (то есть, все реально существующие «вещи») **прежде всего** делятся на **телесные** и **бестелесные**. Такое деление, как известно, было установлено Платоном, который и положил тем начало **науке о бестелесном** (об «идеях»). Основанную Платоном науку и стали впоследствии называть «Метафизикой» (Платон называл ее чаще — просто «Философией», а иногда, в узком смысле, — «Диалектикой»). Наука же о **телесных** (материальных) вещах основана была задолго, а именно, — Фалесом (6-7 в. до н.э.), который и считается основателем **философии**. Наука Фалеса развивалась затем в учениях родственных им ученых, которых сегодня относят к «стихийным материалистам» («стихийным» — потому, что до Платона они сами не знали еще, что они — «материалисты»).

Современное научное сознание может как признавать (идеализм), так и отвергать (материализм) объективное существование бестелесных сущностей. Принципиально отвергали их существование и некоторые древние ученые, например, Эпикур (341-270 до н.э.) и его последователи. Но и те, и другие — и идеалисты, и материалисты — одинаково признают существование **телесных, материальных** вещей. Наука же об этих вещах уже в древности получила название **Физики** (греч. фюсис — природа). Но после Платона ее стали называть также **Философией**. А чтобы отличить от философии в платоновском смысле, впоследствии ей дали уточняющее название **Натурфилософии**. Почему же понадобилось давать этой науке двойное название? Источником и причиной возникновения у древней Физики двойного названия является то обстоятельство, что две рассматриваемые сейчас науки — Физика, основанная Фалесом, и Философия, основанная

Платоном, — отличаются не только своими **предметами** (объектами), но также и своими **методами** познания. Очевидно, прежде всего, что бестелесные сущности Платона (идеи) нельзя изучать **теми же методами**, что и воду Фалеса, воздух Анаксимена или землю Эмпедокла; оно требует прежде всего **иных познавательных способностей**, а именно — ума, разума, рассудка, так как глазами и другими органами чувств идеи не воспринимаются. Они — **умопостигаемые**, а не чувственно воспринимаемые сущности. На этом основании и основано изначально сомнение в их «реальном» **существовании** (вне нашего сознания). Но при этом оказывается, что и к чувственно воспринимаемым вещам можно прилагать **те же методы** познания, которые прилагаются к познанию «вещей» бестелесных (идей), например, — классификацию, определение (дефиницию) и т.д. Получается, что методы Физики к идеям **неприложимы**, ибо не наблюдаемы, а методы Философии («метафизики») приложимы к познанию не только идей, но и телесных (материальных) сущностей. Однако в результате такого приложения логических (умозрительных) методов к физическим вещам и сама Физика приобретает иной вид, чем при собственно эмпирическом подходе к ней, то есть становится **как бы философией**. Вот поэтому этой Физике, — «как бы философии» — и присвоили потом название «**Натурфилософии**». Это было сделано для того, чтобы отличать ее, с одной стороны, от Философии (у которой иной предмет), а с другой — от собственно Физики, развиваемой **нефилософскими** (эмпирическими) методами. Натурфилософия — это Физика, развиваемая **философскими (умозрительными) методами**, или методами, характерными для философии (метафизики). Получается, что Философия как наука может быть только одна — это **Теория идей**, развиваемая своим собственным, **философским (умозрительным) методом**. А Физики может быть две — **Натурфилософия** и собственно **Физика** (эмпирическая). Примером первой может служить «Физика» Аристотеля или «Философия природы» Гегеля, а примером второй — вся **современная**, эмпирико-экспериментальная физика. Вторая сегодня

не признает Натурфилософию и не считает ее **за науку**, но в древности этой второй (эмпирико-экспериментальной) физики вообще не было. Вся Физика тогда сводилась практически к одной Натурфилософии. Причина в том, что невозможно заменить один **метод мышления** другим или избавиться в пользу другого. Более того, когда эмпирическая физика заходит в тупик, как случилось в начале XX века, она тут же обращается **за помощью** к философии или сама начинает философствовать. В такой момент обнаруживается явно, что всякая эмпирическая физика основана на той или иной **метафизике**, просто она, до поры до времени, не осознает этого.

Вывод же здесь состоит в следующем — в науке вообще существуют (в согласии или соперничестве) два основных, несводимых друг к другу **метода познания** — эмпирический и философский. И любая конкретная наука не может избавиться ни от одного, ни от другого. Позитивистский идеал **чисто эмпирической** науки недостижим и потому ненаучен (да и сам позитивизм основан на определенной метафизике, усвоенной некритически и бессознательно).

Перейдем теперь к следующему делению Древа Порфирия: **Физика и Биология**. Все материальные объекты делятся на «обладающие душой» (одушевленные) и «не обладающие душой» (неодушевленные). Слово «душа» тоже не нравится материалистам, так как оно исторически указывает на нечто: а) **нематериальное** и б) **главенствующее** по отношению к телу. Поэтому, в современном научном тезаурусе слово «одушевленные» заменено на слово «живые». Однако замена представляет собой чисто словесное избавление от проблем, которые тут существуют, и по сути ничего не решает.

Сегодня два эти вида (рода) телесных, материальных вещей представляют собой объекты познания, соответственно, — Биологии (биологических наук) и Физики (физических наук), понимаемой, однако, теперь уже **в более ограниченном смысле**.

В предельно широком смысле, рассмотренном выше, Физика — это наука о телесных (материальных) объектах вообще, которые могут быть как

живыми, так и неживыми. И, следовательно, Биология — это тоже Физика, в отличие от наук, изучающих бестелесные вещи (идеи). И Социология — это тоже Физика, поскольку и человек, и общество — именно телесные, а не бестелесные сущности. Поэтому вовсе не случайно Конт хотел назвать свою новую науку об обществе «социальной физикой». Тем самым он хотел подчеркнуть **принципиальное родство** его науки об обществе с достигшей к тому времени большого авторитета (эмпирической) физикой. И только случайное обстоятельство, а именно то, что его современник А. Кетле уже использовал тогда словосочетание «социальная физика» для обозначения своего метода исследования общества (социальной **статистики**), заставило Конта искать другого названия для его науки, и в конце концов остановиться на созданном им неологизме — «социология». Именно словосочетание «социальная физика» лучше всего выражало образ той науки, которую хотел создать Конт. Но это словосочетание оказалось уже «занятым». Точно так же и биологию в свое время можно было назвать «органической физикой» (так она названа в «Энциклопедии философских наук» Гегеля). Однако тот, кто подбирал ей впервые название (Ламарк в 1802 году), в отличие от Конта, не считал физику за идеал, не стремился подражать ей, и потому выбрал для своей науки принципиально **непохожее** название. Но, в общем, конечно, все науки, направленные на изучение **материальной** природы — это Физика, и именно так — в самом широком смысле — она и трактовалась первоначально в древности. Однако сегодня мы уже называем «физикой» в строгом смысле лишь некоторую **более узкую** группу наук, а именно, — наук, сосредоточенных на изучении только **неодушевленной** (неживой) материи. Ни Биологию, ни Социологию, мы сегодня к Физике не относим, так как видим уже (или чувствуем) между этими науками **принципиальную** разницу.

Но, с другой стороны, поскольку все живые существа относятся тоже к «вещам» телесным (материальным), то и их тоже, **в принципе**, может изучать **также и физика** (в узком, ограниченном смысле). Однако, как мы

уже понимаем, она может их изучать только **как неживые** вещи, то есть — как просто физические тела. То, что эти тела еще **сверх того** и живые — это физику (в узком смысле), интересоваться не может. От этого она **отвлекается** и рассматривает в живых организмах только то, **что общее** у них с телами неживыми. Широко известным примером такого, чисто физического подхода к живым объектам может служить знаменитая работа Э. Шредингера «Что такое жизнь с точки зрения физики» [20]. Ничего собственно «биологического» в этой книге не содержится — там рассматриваются и обсуждаются **чисто физические** и **химические** закономерности процессов, протекающих в живых организмах. **Специфическую** же природу живых тел может исследовать только сама Биология (взятая во всем комплексе своих дисциплин).

Таким образом, оказывается, что и к живым объектам можно подходить с **двумя разными точками зрения** и, следовательно, с двумя разными **методами** их познания — методом, характерным для физики как науки о **неживых** вещах, и методом, характерным именно для самой Биологии. Иначе говоря, существует два разных (и даже **противоположных**) метода познания живого — метод **физический** и метод собственно **биологический**. При этом обратное невозможно — нельзя подходить к познанию неживых вещей с методами, характерными для биологии (гилозоизм). В древности Природа в целом рассматривалась тогда как **одушевленный** объект, как огромный **живой организм**. И только Демокрит отверг этот взгляд на природу и предложил смотреть на нее как на некое, **чисто механическое** (физическое) образование. Но при этом, такой, чисто механический взгляд распространялся у него не только на собственно физические тела, но и на тела **живые** (душа, по мнению Демокрита, состоит из самых маленьких круглых атомов), а также и на **человека**. Поэтому демокритовский подход уже в древности был признан очевидно абсурдным и явно **противоречащим опыту**, и в результате он так и не нашел себе сколько-нибудь значительного числа приверженцев (из заслуживающих

внимания история называет только Эпикура и Лукреция). Если бы Демокрит догадался **ограничить** универсальность своей теории, изъяв из ее «ведения» биологические, психологические и социальные явления, то он мог бы явиться подлинным основателем **современной** (ограниченной) физики (каковым его, впрочем, многие физики сегодня и признают). Но он **не догадался** этого сделать, а потому был полностью отвергнут, что и задержало возникновение **современной** физики на много столетий. Вместе с водой древние выплеснули и ребенка.

Начиная лишь с Декарта, постепенно вырабатывается взгляд на природу как на **чисто физическую** (физико-механическую) сущность. При этом, однако, и Декарт неожиданно признал все живое, в том числе, и животных **чистыми механизмами** («машинами»). Только лишь **человеку** оставил он душу, наделенную разумом и свободной волей. А вся остальная природа у него была объявлена «Машиной», подлежащей познанию и объяснению **чисто механическими** (физико-геометрическими) методами, характерными для познания неживых вещей. В результате этой, картезианской революции и родилось современное представление о «Естествознании», в рамках которого объединяются не только собственно физические, но и биологические науки. Поэтому-то многие ученые сегодня и считают, что во всех «естественных» науках **должен применяться один и тот же метод** — метод физики (как науки о неживых вещах). Впоследствии один из сторонников Декарта - Ламетри сделал, наконец, последний шаг и объявил не только животных, но и человека тоже точно такой же **машиной** [14, с. 183-244], только «еще более сложной». Тем самым получалось, что не только физика и биология, но и все науки о человеке и обществе подлежали изучению теми же самыми методами, которыми пользуется физика, то есть, «естественнонаучными». В результате произошло как бы возвращение к философии Демокрита, отвергнутой в древности. И основной призыв Конта в деле реформирования социологии, несомненно, исходит именно из этого направления научной мысли. Но, хотя на этом пути, указанном Декартом, в

области биологических наук в свое время, и действительно, были достигнуты значительные успехи (в частности, — теория рефлексов И.М. Сеченова и И.П. Павлова, вторгшаяся даже и в область наук о человеке), тем не менее, является ли этот путь магистральным? **Должна ли** Биология следовать физическому методу?

Конечно, как уже отмечено выше, этот метод **может и должен** применяться в биологических науках, поскольку все живые тела являются **и просто физическими** (материальными) тоже. Однако все они, вместе с тем, являются **чем-то большим**, чем простые физические тела. И **величайшая трудность** здесь заключается в том, чтобы ясно указать на само это «большее», присутствующее во всем живом. Это — проблема **сущности** живого и его специфического отличия от неживых физических тел. Интуитивно, на практике мы обычно сравнительно легко отличаем живое от неживого. Но дискурсивно выразить то, на каком основании мы это делаем, очень трудно даже и для специалистов-биологов, тем более, — исповедующих позитивистский подход. Обычно у них это выражается через **перечисление свойств** («признаков»), которыми обладают живые объекты и не обладают неживые. Перечень этих свойств, как правило, сводится к следующему: рост, питание, выделение, раздражимость, размножение, — все это **эмпирически** воспринимаемые признаки живого. Но иногда к ним добавляют еще и приспособляемость, саморегуляцию, или гомеостаз [7, с. 11-12], что уже представляет собой не эмпирически воспринимаемые, но **умопостигаемые** особенности живого. Но даже и в этом случае самими же биологами чувствуется **неудовлетворительность** таких перечислений. Поэтому обычно они сопровождают следующим замечанием: «Каждое из этих свойств порознь может встречаться и в неживой природе, поэтому само по себе не может рассматриваться как специфическое для живого. Однако все вместе они никогда не характеризуют объекты неживой природы, и свойственны только миру живого, и в своем единстве являются критериями, отличающими живое от неживого» [см. 16, с. 563]. Дело однако не в единстве

(комплексности) перечисляемых признаков, а в том, что **эмпирически**, одним только **наблюдением** отличить живое от неживого невозможно. Для глаз (восприятия вообще) они ничем не отличаются. И потому установить их различие можно только **в понятии**, или, говоря языком Платона, с помощью постижения **идеи** живого.

Парадоксально при этом то, указать ясно на специфическую природу живого не так уж и трудно, и мешает нам это сделать сегодня только **психологический барьер**, своего рода табу, наложенное на наше мышление господствующей методологией естествознания вообще и «позитивной философией», в частности. Ведь «**очевидная**» и всем известная специфика живого заключается в том, что оно, в отличие от неживого, **устроено целесообразно**. Именно **внутренняя** (природная) целесообразность устройства и поведения живых существ и составляет их суть и **очевидную** специфику. И древние, не задумываясь, признавали это. Называя живые существа **одушевленными**, они просто выражали и констатировали это обстоятельство. Более того, и основатель современной биологии Ламарк, положивший начало этой науке своей «Философией зоологии» (1809), определял все живое именно через **целесообразность** его устройства и поведения [см. 4, с. 309]. Но современное естествознание, стоящее на точке зрения Демокрита и Декарта, не воспринимает этого подхода (или, точнее, отказывается признавать его **открыто**), поскольку страшится всякой **телеологии**, за которой ему чудится уже и **теология**. Однако эта предубежденность не может служить оправданием. Ведь от науки («естествознания») здесь требуется всего лишь **признать факт** — все живое устроено целесообразно. Не признавая этого факта, наука ставит себя в уязвимое положение. Ведь речь не идет здесь о том, **кто** придал всему живому эту форму целесообразности, речь здесь идет лишь о признании **самого факта наличия** у всего живого этой формы. В свое время, настроенный тоже антиметафизически и антитеологически Кант, признал, все же, что вся область живого — это область **естественно целесообразного**,

и что в биологии и шагу нельзя ступить без вопроса — «зачем?». Однако Канту это сделать было легко лишь потому, что телеологическая форма организации данных опыта считалась у него априорной формой **нашего ума**. В таком случае ему не требовалось признавать наличия целесообразности **в самих вещах, объективно**, так как он мог объяснять ее **привнесением** в опыт со стороны нашего разума и его априорных форм. Если же мы отрицаем этот субъективный подход, то должны просто признать **объективность** естественной целесообразности всего живого. Если мы обратимся к **практике познания** и сравним подходы физиков и биологов к своим предметам, то обнаружим, что, физики, действительно, не ставят в своих исследованиях вопросы «зачем?» или «для чего?» — эти вопросы у них считается **ненаучными**. Физик ограничивается лишь одним вопросом — «**почему?**», предполагающем только принудительное внешнее воздействие. И в этом как раз и заключается сущность и специфика самой Физики как особой науки. Физика — это наука, ограниченная **своим методом (концепцией) механического детерминизма**, признающая только вопрос «почему?». И именно поэтому она и является наукой **только** о неживых телах. Ее метод **не позволяет** ей претендовать на что-то большее. Однако в биологии к этому вопросу — «почему?» — **добавляются** еще и вопросы «зачем?» и «для чего?». Без постановки этих вопросов биология развиваться не может, — не потому, что ей так хочется, а потому, что этого требуют **сами объекты** ее познания — живые организмы. Телеологический подход к пониманию живого **навязывается** биологам **самими объектами** их познания. Без этого их понять (познать) невозможно. В частности, невозможно предсказать реакции живых существ на те или иные внешние причины (раздражители), без учета строения и состояний самих живых организмов. В физических системах причина **принудительно** вызывает свои следствия. А в биологических системах организм может реагировать на одни и те же внешние воздействия совершенно по-разному. При этом реакции организма на раздражители носят **целесообразный для него** характер, и

именно поэтому их можно понять. Поэтому, физик может объяснить биологу, например, почему в организме движется кровь, он также может объяснить, из каких веществ она состоит и почему она имеет красный цвет. Однако, **зачем** в организме кровь, и **для чего** она движется в нем — этого физик объяснить не может, потому что в его науке **вообще запрещены** такого рода вопросы. Допустив их, физик автоматически перестает быть физиком и превращается в биолога - гилозоиста. Однако из этого не следует, что такого рода вопросы должны быть запрещены вообще во всех науках. Биология же, собственно, и начинается лишь с постановки **такого рода вопросов**. И, следовательно, именно здесь и пролегает **демаркационная линия**, разделяющая собственные предметы (объекты) и подходы Физики и Биологии. Физика есть наука о естественных, но механических, случайных и «бессмысленных» предметах и процессах, подчиняющихся одному только закону (механической) **причинности**. Поэтому-то в ней такую большую роль играют чисто комбинаторные и **статистические** подходы. Биология же есть наука тоже о естественных (природных) телах, но таких, которые подчиняются не только закону причинности, но также и **закону целесообразности**. У физика все объясняется только через указание на внешние принудительные («действующие») причины, у биологов же — не только на такие причины, но и на целесообразность. Действиями одних только **физических** причин **всю природу** объяснить невозможно, можно объяснить **только некоторую ее часть** — собственно физические (неживые) объекты и процессы, протекающие в основном в Космосе (но и на Земле тоже), но **другая ее часть** требует также объяснения ее и с позиций и биологического (**телеологического**) подхода. Поэтому всякие претензии физики на роль «царицы наук» или неперменного образца для подражания ей со стороны биологии (не говоря уже о социологии) безосновательны. Физика может и должна играть **определенную** роль в этих науках, но — не ведущую и не основную, а, скорее, вспомогательную и подсобную.

Древним людям мир казался населенным если не разумными, то, по крайней мере, **живыми** (одушевленными) существами. И для них это было **естественным** и **неизбежным**, поскольку человек свой **первоначальный опыт** получал (и получает) **внутри** того или иного **общества**, в котором его окружают главным образом разумные и живые существа и с которыми он взаимодействует прежде всего и глубже всего. Свой способ понимания и объяснения мира человек вырабатывает **первоначально** на основании именно этого, — **социального** общения. И только **длительный опыт** и **размышление** постепенно приводят людей (каждого отдельного человека в его онтогенезе и человечество в целом в истории) к мысли о том, что многие объекты в окружающем мире — не только **неразумные**, но и **неживые**. Они — просто **физические** сущности, понимать и объяснять которые нужно совсем **по-другому**. Их поведение и устройство полностью детерминировано **случайностью** или чисто **механическими** причинами. Именно этот ход умственного развития человека и человечества и уловил в своем «Великом основном законе» Конт (за Сен-Симоном), интерпретировав так, что только с появлением Физики и физического мышления человечество обретает, наконец, «подлинно научный» подход к познанию. Однако подход физики к познанию мира может безраздельно господствовать **только в узкой области** собственно физических объектов и процессов, за пределами которых он **недостаточен**. Попытка же абсолютизировать этот подход способна просто остановить развитие **высших наук** — Биологии и Социологии. Физика — самая низшая и самая ограниченная наука из ряда фундаментальных наук. В целом же получается, что, хотя **логически**, то есть, по месту, занимаемому ею в системе фундаментальных наук, Физика является самой **первой** наукой, так как ее (ограниченный) подход является **наиболее общим**, и потому применимым абсолютно ко всем материальным объектам; однако, **исторически** Физика оказывается наукой **последней**, так как ее точка зрения наиболее «неестественна» для человеческого разума, и потому прийти к ней для человека наиболее трудно. Исторически же **первой наукой** для человека

является именно **социология** (социально-гуманитарное знание и познание) как наиболее легкое и **естественное** для него. «Человек, — пишет Гегель, — встречается так называемое непонятное в двух областях: в живой природе и в духе. Но в действительности человек имеет дело с непонятным лишь в природе, так как дух есть именно то, чему свойственно быть явным для самого себя; дух понимает и постигает дух» [6, с. 197]. Поэтому даже и гениальным мыслителям древности так и не удалось встать на точку зрения чистой физики. И поэтому же возникновение физики как особой науки (то есть, отделение ее от других наук — биологических и социальных) произошло, по историческим меркам, **совсем недавно** — где-то во времена Галилея и Декарта. Физика — это **самая молодая** из всех фундаментальных наук, и она является порождением только Нового времени. Тогда как Социология и даже Биология стояли на своей собственной (телеологической) точке зрения уже в древности. И поэтому ошибочно полагать, что древние, например, Платон с Аристотелем в **теоретических** вопросах Социологии разбирались хуже, чем новоевропейские. У последних есть лишь неизбежное **эмпирическое** преимущество перед первыми, так как они могли опираться уже на гораздо более обширный **фактический материал**, предоставленный им, в том числе, и многовековой **историей**, отделяющей их от античной древности. Однако в **методах осмысления** этого опыта и в самих идеях, характерных для социально-гуманитарного познания и объяснения, Платона и Аристотеля они не превосходят. Подтверждение этому сегодня можно найти буквально в любой серьезной теоретической работе по социально-гуманитарным дисциплинам. Практически невозможно, чтобы там обошлись без упоминания и обсуждения идей, мнений и подходов Аристотеля и Платона. Тогда как мнения Конта и Спенсера по этим вопросам сегодня практически никого уже не интересуют (кроме, конечно, историков науки). Их теории устарели (или были признаны некорректными) уже через пятьдесят лет после их публикации. Платона же с Аристотелем будут обсуждать и осмыслять вечно.

Перейдем теперь к последнему делению «Древа Порфирия»: **Биология и Социология**

Все одушевленные объекты у Порфирия делятся, наконец, на обладающие разумом (**разумные**) и не обладающие им (**неразумные**)³. Последние являются объектом изучения Биологии и биологических наук, а первые — объектом **наук о человеке, обществе, культуре** и т.д., относимых сегодня к социально-гуманитарному знанию. Совокупностью (системой) всех этих наук и является то, что после Конта стало принято называть **Социологией** (понимаемой однако в гораздо более широком смысле, чем это было во времена Конта и Спенсера). Биология и биологические науки, а также Физика и физические науки тоже могут изучать (и объяснять) человека и общество на свой лад, но они не интересуются их **разумностью** и всем, что следует из сущности самого разума как специфической именно для человека его **особенности**. Они изучают в человеке и обществе лишь **то общее**, что есть у них с физическими и биологическими телами (системами), а то, что у них есть еще и **сверх того**, — это Биологию и Физику интересовать не может. И, наоборот, Социологию (или гуманитарные науки в целом) интересует (должна интересовать) в человеке и обществе именно и прежде всего их **разумность** как их **специфическое** отличие(сущность). Конт, при всем восхищении физикой и желании направить Социологию по пути подражания этой низшей науке, все-таки, не мог не осознавать глубочайшего различия (и даже противоположности) в предметах (объектах) познания этих двух наук. Поэтому в качестве основной **эвристической** идеи (образца) для будущей «социальной физики» он предложил не идею **механического агрегата** материальных тел, каким являются, например, астрономические или геофизические материальные системы, а идею **живого организма**. К познанию общества, полагал он, следует подходить так же, как Биология («естественная наука») подходит к изучению своих объектов. Иначе говоря,

³ Фактически у Порфирия перед этим осуществляется еще и деление всех одушевленных объектов на обладающих чувствами (животные) и не обладающими ими (растения). Однако это деление можно опустить, поскольку оно производится еще в рамках самой Биологии и не выводит нас за ее пределы.

Конт призывал социологию подражать не всему «естествознанию» в целом, а в основном лишь наиболее родственной ей части последнего — Биологии. Что, конечно, тоже является **редукционизмом**, однако — не столь вопиющим, как сведение социологии к физике. Биология — наука низшая, по сравнению с социологией, но, по сравнению с физикой она — высшая (редукционистский компромисс).

И тот же способ понимания общества избирает и его последователь — Спенсер, хотя последний, в рамках «Синтетической философии», все же, сделал попытку подойти и к живым организмам, и к обществу с точки зрения чисто **физической** (механической) причинности. Универсальная теория эволюции Спенсера сформулирована **в самых общих**, то есть, в **чисто физических** и **механических** понятиях (материальный агрегат, сила, движение)⁴ [18, с. 46]. Однако в том разделе своей системы, где у него заходит речь об обществе, Спенсер обращается к аналогии между обществом и **живым организмом** и подражает здесь уже не физическим, а биологическим наукам. При этом до собственно **гуманитарного** подхода дело в его Социологии так и не доходит. Спенсер превращает свою социологию именно **в социальную физику** («социальное естествознание»). Разумеется, такой подход в Социологии **правомерен** так же, как и в Биологии правомерно применение физических методов и приемов исследования. Но, так же, как в Биологии это может привести лишь к развитию таких ее дисциплин, как биофизика, биохимия, биомеханика, так и в Социологии естественнонаучный метод может привести лишь к появлению дисциплин типа социальной физики, социальной механики, социальной биологии (образчик которой и дал Спенсер в виде теории **социального дарвинизма**), социальной экологии и т.д. и т.д. и т.п., то есть, — дисциплин, основанных на применении **низших**, по отношению к самой Социологии, наук. Тогда как объекты социологии являются **чем-то большим** (и

⁴ «Эволюция, — формулирует Спенсер, — есть интеграция материи и сопутствующее ей рассеяние движения, причем материя переходит от состояния неопределенной, бессвязной однородности к состоянию определенной, связанной разнородности, а сохраненное движение претерпевает параллельные изменения»

высшим), чем просто физические и биологические материальные системы. Их превосходство и их кардинальное отличие от последних заключается в том, что они определяются **разумностью** людей и потому не могут познаваться и объясняться из одних только физических или биологических принципов и причин, но должны исходить также и из определения их причинами **разумными**. Образно говоря, объект (объекты) Биологии и Социологии можно уподобить кентаврам, у которых низшая часть — это нечто физической (у Биологии) или физической и биологической (у Социологии) природы, а часть высшая — это нечто **живое** или **разумное**. Объекты Физики управляются **только** физическими законами, а объекты Биологии и Социологии управляются **еще также** и законами биологическими и социальными, соответственно. При этом Социология является **самой сложной** наукой. И потому общество и человека можно изучать и «снизу» (как физическую и естественно целесообразную сущность), и «сверху», что является для этих объектов **собственно гуманитарным** подходом. После позитивистов социология пошла (направлена) в основном по пути **неспецифического** для нее познания, например в концепте **структурно-функционального** подхода в двух ее основных (и противоположных) версиях (парадигмах) — «солидаристской» (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс и др.) и «конфликтологической» (К. Маркс, Л. Козер, Р. Дарендорф, Р. Миллс и др.). Концепция Р. Мертона, хотя и не вписывается полностью ни в одну из этих версий, но в целом не выходит за рамки структурно-функциональной парадигмы. Однако подход этот в целом является **редукционистским**, так как стремится избавиться (отвлечься) от самой специфики объектов социального познания — их разумности, — и даже пытается объяснить (вывести) высшее из низшего.

И в этом направлении часто видится **современное и прогрессивное**, чего не хватало Социологии до реформы, произведенной в ней позитивистами. В частности, развитие таких, общественных наук (дисциплин) как экономика, демография, антропология, этнография и

этнология, использующих в основном именно **естественнонаучные** методы и подходы, несомненно, обогатило новую социологию, по сравнению с древней. Однако можно ли видеть в этом **магистральное** направление развитие Социологии как высшей науки? Магистральным для нее должно быть **собственно гуманитарное** направление ее развитие, исходящее из установки на постижение именно **разумности** ее объекта (объектов). Социология должна иметь и развивать и свой собственный, специфический метод и подход к познанию своих объектов, исходящий из понятия их разумности. Разумность человека состоит прежде всего в способности ставить перед собой **сознательно** цели, подбирать к ним эффективные средства, планировать и подчинять свои действия поставленным целям и добиваться их реализации. Весь мир живого устроен и действует тоже **целесообразно** (и в этом смысле разумно), но эта целесообразность вне человека и общества действует **бессознательно**. Область собственно биологической жизни — это сфера действия **бессознательной целесообразности**. Человек же может сам управлять своим поведением и подчиняться не только физической и биологической необходимости, но и тому, что определяется его собственной **разумной волей**. Именно на этом основании человеку в обществе и **вменяется** «в вину» все, что он производит своим поведением в окружающем его мире. Животное невменяемо, так как оно несвободно в выборе своих действий. А человек — свободен, при этом человек **не нарушает** физических и биологических законов, полностью подчиняется им, но, вместе с тем, **сверх того** реализует еще и свои собственные идеи, замысли и планы, которые руководят поведением **как закон**. Но этот закон человек дает себе сам, свободно, **не вынуждаемый** к тому никакой физической или биологической необходимостью. Единственный метод объяснения здесь — указание на природу его собственных **разума и воли**. При этом человек свободен не вообще, а лишь **сверх** той физической и биологической необходимости, которой он **подчинен** наравне со всеми прочими — физическими и биологическими —

существами. Но они не имеют ничего **сверх того**, а человеку эта «сверхъестественная» возможность дана — он разумен и в силу своей разумности он и свободен.

Поэтому человек не просто живет, но еще и **творит сам свой мир**, свои **законы** и условия, в которых протекает его жизнь. Этот продукт его творчества является полностью **искусственным**, в том смысле, что он не является **данным** ему от природы. Его, поэтому можно называть и **сверхъестественным**, т.е. возникающим у человека сверх естественно данного ему от природы. И этот, создаваемый самим человеком его собственный мир и является (и называется) **культурой**. Культура — это то, что создается человеком и обществом сверх природы. Все природное человеку дано. А все сверхприродное создается им самим. Культура не противоречит природе, но и не определяется ею. Ее источником и причиной является человеческий **разум**. А, следовательно, человек и общество могут и, конечно, **должны** изучаться с применением всех подходов и методов как физических, так и биологических наук, однако всего этого для познания человека и общества **недостаточно**. Сама специфика человека и общества такими методами познана быть не может. В гуманитарных науках должен применяться также и **собственно гуманитарный** подход, основанный на том, что человек и общество являются **своими собственными творениями**, — собственными «**произведениями искусства**». Не случайно, поэтому, в системе наук Канта проблемы **естественной телеологии** (методология биологических наук) и проблемы **эстетики** (художественного творчества) рассматриваются в одном ее разделе — в «Критике способности суждения». Бессознательное целесообразное **творчество природы** и сознательное творчество в искусстве имеют то общее, что в обоих этих случаях имеют место не только **действующие** (физические), но и **конечные** (целевые) причины. И то, и другое есть проявление **целесообразного**, в первом случае — **бессознательное**, во втором — **сознательное**. И, в случае гуманитарных наук, этот принцип должен находить себе место также и **в познании**

человека, так и общества. При этом необходимо, конечно, все время подчеркивать, что этот, **специфически гуманитарный** подход к познанию человека и общества не отменяет и не заменяет физических (причинность) и биологических (бессознательная целесообразность) подходов, а лишь **дополняет** и завершает («увенчивает») их. Тем не менее, **без него** социальное и гуманитарное знание просто **неполноценно**. Гегель, говоря о Сократе, пишет следующее: «Он жил среди своих сограждан и стоит перед нами, как один из тех великих пластических характеров, вылитых из одного куска, какие мы привыкли видеть в ту эпоху как завершенное классическое произведение искусства, само себя поднявшее на эту высоту. Такие личности не созданы природой, а самостоятельно сделали себя тем, чем они были; они стали тем, чем они хотели быть, и остались верными этому своему стремлению до конца жизни. Отличительной чертой произведения искусства в собственном смысле является то, что в нем выводится какая-то идея, воплощается характер, так что каждая черточка определяется этой идеей, этим характером. Такими произведениями искусства являются великие люди той эпохи. Величайшей пластической личностью, как государственный человек, был Перикл, и его окружали, словно звезды, Софокл, Фукидид, Сократ и т. д. Все они развили свою индивидуальность, придав ей своеобразный характер, являвшийся господствующей чертой их существа и проходящим красной нитью через всю их жизнь единым началом. Так и Сократ развил самого себя в определенный характер силой своего искусства и самосознательной воли и приобрел качества, необходимые для его жизненного дела» [5, с. 41]. И, вообще, только в области **гуманитарных** наук появляется впервые потребность и необходимость развития наук о **единичном, индивидуальном** предмете (объекте). Ни в физическом, ни в биологическом мире такие науки невозможны (точнее, там они бессмысленны). Только наука о Земле как уникальном космическом объекте (а также, в какой-то мере и о Луне, Марсе, Солнце и других небесных телах **нашей** солнечной системы) имеет определенный смысл. Но этот смысл

появляется у них лишь на основании тесной их связи с **самим человечеством**, развившимся именно в этой системе. Без такой связи все перечисленные физические объекты сразу утрачивают свою уникальность и особое научное значение⁵. Но та же самая логика применима и к познанию **любого общества**, любого государства, в основе которых также лежит не одна лишь естественная необходимость и целесообразность, но еще и **сверх того** — та или иная **сознательная (разумная) идея**, замысел, проект и т.д. Любое общество — продукт не только природы и естественной истории, которым оно, несомненно, подчиняется, но оно **также еще** и продукт **сознательного творчества** и разумного **устремления** своих членов, — их собственное «произведение искусства», которое живет и подчиняется также и логике их идеи, замыслу и т.д.

Так, например, достаточно очевидно, что Древние Афины и Спарта, существовавшие практически в одних и тех же естественно-исторических условиях (географических, климатических, демографических, экономических и т.д.), не нарушая ничего из этой естественной необходимости, были в то же время и своими собственными творениями, специфику которых невозможно вывести ни из каких естественных (в том числе и экономических) причин. Их специфика вытекает из их **духовного склада** и принятых ими разумных проектов («утопий») их обществ. В древности авторство этих двух различных национально-государственных проектов приписывалось (и вполне обоснованно), соответственно, Солону (5-6 вв. до н.э.) и Ликургу (8 в. до н.э.), давших Афинам и Спарте их законы («Конституции»). Но, конечно, «соавторами» этих древних законодателей были сами афиняне и спартанцы на протяжении их национально-государственной истории. Платон впервые принялся за реформирование Законов Афин и разработал **новый проект** —

⁵ Указанная особенность гуманитарных наук — существование в их системе наук о единичном и индивидуальном, — подчеркивается в концепциях баденской школы неокантианцев (у Виндельбанда и Риккерта), однако представляется совершенно неправильным связывать это с особенностями **исторического** метода познания. Исторический подход применим и используется не только в биологических, но и в физических науках, тогда как индивидуальность в них не становится предметом специального познания.

знаменитую «утопию», изложенную в таких его диалогах, как «Государство» и «Законы». Однако проект этот был реализован уже в другое время и в другом обществе, а именно — в Средневековой Европе (но не в Византии), при этом он был переосмыслен в христианском духе Августином (IV в.н.э.) и первыми «Отцами» церкви. **Во главе** этого нового общества, возникшего в Западной Европе после завоевания ее германскими варварами, стояли жрецы-философы (сословие или корпорация священников во главе с Папой Римским, принявших целибат), **вторым** (подчиненным им) сословием были дворяне-стражники, **третьим** — все остальные (крестьяне, торговцы, ремесленники и т.д.). И само это общество полностью осознавало свою «национальную», или, скорее, **культурную** идею и свой замысел, что видно из его официально провозглашенной там формулы: «Одни молятся за всех, другие сражаются за всех, третьи трудятся за всех» [см. 15, с.240]. В то же время в Византии во главе общества стояли не священники, а, скорее, платоновские стражники (бюрократизированное сословие государственных служащих). Достаточно очевидно также, что и СССР был реализацией некоторой сознательной социальной идеи («утопии»), такой же реализацией являются и США, и все страны Западной Европы. И во всех этих случаях можно указать на конкретных **«отцов-основателей»** этих национально-государственных проектов. И вообще, — любое общество необходимо рассматривать именно как такое **сознательное произведение** (творение) его членов (его национального сознания), у которого есть **его собственная логика**. А это принципиально меняет взгляд и на сам **субъект** социального познания. «Общество, — отмечает П. Штомпка, — необычная область реальности, поскольку его судьба в значительной мере зависит от того, как люди видят общество, представляют его будущее, насколько они информированы как субъекты социальной деятельности и как осознают общественные процессы. Траектории движения планет не меняются в зависимости от прогресса астрономии, но уровень социологического знания существенно влияет на направление социальных преобразований» [21].

Иначе говоря, субъект социального познания оказывается не только теоретическим, но и **практическим**, действующим и **созидающим** самого себя. Его социальное познание оказывается **самопознанием**, и в процессе этого самопознания он поднимается на новую и высшую ступень и тем самым **преображается** (развивается). В результате, мы приходим к тому, чему в наибольшей степени соответствует логика и методология социального (и научного вообще) познания, реализованная, например, в философии духа Гегеля (в «Философии истории», в особенности). Апостериори, мы приходим к методологии, **прямо противоположной позитивизму**.

Сформулируем теперь кратко основные выводы из проделанного анализа. Позитивизм, основанный на уверенности в существовании **единого** и **универсального** метода познания, одинаково эффективного и **достаточного** во всех науках, независимо от природы **их объектов** (предметов), ориентирует развитие науки в неверном направлении. Метод познания в фундаментальной науке зависит от природы самих изучаемых объектов и определяется («навязывается») познанию природой самого познаваемого.

И предмет, и метод Социологии как высшей фундаментальной науки являются наиболее сложными **в том смысле**, что они содержат в себе предметы и методы обеих низших по отношению к ней фундаментальных наук — Физики (физических наук) и Биологии (биологических наук). Однако они содержат их в себе как «снятые» (в гегелевском смысле), т.е. как сохраненные и упраздненные одновременно (как подчиненные), поскольку в социально-гуманитарных науках **сверх того** присутствует еще и **их собственное** предметное и методологическое содержание. Стремление позитивизма заставить Социологию подражать Физике или даже Биологии, хотя отчасти и оправданно, с **исторической** точки зрения, но, в конечном счете, ненаучно. Социально-гуманитарное познание **методологически** не может быть сведено к естественнонаучному. Более того, социально-гуманитарное познание по своему собственному методу не просто отлично,

но и полностью **противоположно** как физическому, так и биологическому подходам. От методологии физических наук оно отличается использованием телеологических моделей познания и объяснения, а от биологических наук — признанием существования и действия в ее объектах **сознательно-разумной**, а не просто бессознательной телеологии (целесообразности). Поэтому **магистральным направлением** развития социально-гуманитарного знания является разработка **специфических** для Социологии методов познания (парадигм), основанных на углублении понимания **специфики** ее объектов, а именно — природы разума и разумности. Наиболее близкими к этому методологическими подходами является гегелевская философия духа и близкие к ней методологические парадигмы (герменевтика, философия жизни). Именно такого рода методология наиболее адекватна **специфической природе** как объекта, так и самого субъекта социального познания. При этом не отрицается обоснованность и плодотворность применения естественнонаучной методологии в рамках всей системы социально-гуманитарных наук. Однако на современном этапе социально-гуманитарное познание нуждается в сознательном **преодолении доминирования** (или даже диктата) позитивистской методологии с ее установками на преимущественно эмпирические и редукционистские методы социального познания. Сфера действия этой методологии в рамках социального познания должна быть существенно ограничена лишь теми областями, в которых она уместна.

Литература

1. Comte A. Cours de philosophic positive: Vol.1-6. Paris, 1869.
2. Аристотель. Категории // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 2. — М.: «Мысль», 1978.
3. Арон Р. Этапы развития социологической мысли / Общ. ред. и предисл. П.С. Гуревича. — М.: Издательская группа «Прогресс» — «Политика», 1992.
4. Биологический энциклопедический словарь. — М.: Сов. энциклопедия, 1989.
5. Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. 10. Лекции по истории философии. — М.:

- Партийное издательство. 1932.
6. Гегель Г.В.Ф. Философия истории // Соч. .Т. VIII. —М.-Л., 1935.
 7. Грин Н., Стаут У., Тейлор Д. Биология: В 3-х т. Т. 1.: Пер. с англ. / Под ред. Р. Сопера. — М.: Мир, 1990.
 8. Единство научного знания. — М.: Наука, 1988.
 9. История буржуазной социологии XIX — начала XX века / Под ред. И.С. Кона. М.: Наука, 2003.
 10. Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 1. М.: Мысль, 1963.
 11. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. — М.: Издательство «Наука», 1975.
 12. Кондратьев Н.Л. Основные учения о законах развития общественной жизни // Кондратьев Н.Л. Избранные сочинения. М.: Экономика, 1993.
 13. Конт О. Дух позитивной философии. СПб., 1910.
 14. Ламетри Ж.О. Человек-машина // Сочинения. — М.: «Мысль», 1976.
 15. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада: Пер. с фр. — М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992.
 16. Найдыш В.М. Концепции современного естествознания: Учебник. — Изд. 3-е, перераб. и доп. — М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2009.
 17. Никифоров А.Л. Основы дифференциации наук // Единство научного знания. — М.: Наука, 1988.
 18. Спенсер Г. Синтетическая философия: Пер. с англ. — Киев: Ника-Центр. 1997.
 19. Туган-Барановский М.И. К лучшему будущему. Сборник социально-философских произведений. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996.
 20. Шредингер Э. Что такое жизнь с точки зрения физики? М.: РИМИС, 2009.
 21. Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. — М.: Аспект Пресс, 1996.